

М. Сотрино Трещина во времени

День все же смог победить вязкую серую мглу, а я уже начинал сомневаться, даже не так, я надеялся, что он не наступит. Будет ночь на два дня, и можно будет не вставать, не просыпаться до завтра, сегодня суббота. Если встану, день будет кусок за куском съедать меня, срочных дел нет, а сознание можно переключить на что-то другое только заняв голову серьезной работой. Встал упругий, горячий, тело уже приготовилось к холодному душу, но я сначала подошел к окну. На градуснике минус двадцать шесть, идет неторопливый жесткий в соответствии с температурой снег. Протянул руку сквозь стекло, поймал снежинку, она круглая, хрупкая и совсем не влажная. В душе резко открыл кран холодной воды на максимум, вода обожгла сначала голову, а потом и все тело. Восторг! Всё же есть в этой жизни кое-что хорошее. На кухне включил кофеварку и сразу же телевизор, в телевизоре воровали очередные миллиарды, выключил. Позвонил Саша — Ты где? — Дома. — Планы есть? — Думаю поехать на работу, там сегодня никого, можно хоть что-нибудь сделать. — Мы выиграли конкурс на памятник Ильину, приезжай, посмотришь макет. Надеюсь, ты знаешь Ильина. — Я знаю нескольких, но сразу приходят на память двое это — философ Иван Ильин, и живущий в соседнем подъезде, сильно пьющий Василий, тоже Ильин. Полагаю, что речь идет о первом. — Вобщем приезжай. — Хорошо.

— На улице пусто, ни безбашенных воробьев, ни морозолюбивых синиц, снегирей в этом году вообще не видел, а сейчас их тем более нет, все таки весна, март, они подались туда, где попрохладней. Аккумулятор с трудом провернул загустевшее масло, но свечи вспыхнули сразу и мотор глухо заурчал. Читал Ильина, есть у него вещи простые и понятные, но есть и заумь мне непосильная, конечно, если бы мне такой же усидчивости и трудолюбия как у Бакунина, который шесть раз конспектировал «Эстетику» Гегеля для того чтобы разобраться о чем он там толкует, то может быть и я до конца бы понял Ивана Александровича, но Бакунин счастливчик, у него не было ни компьютера, ни телефона, да и электричество не каждый день. Кстати, что там сложного у Гегеля? Мы в институте его эстетику пролетели за половину лекции. Видимо непорядок был в голове у Михаила, потому и стал теоретиком анархизма.

В мастерской у Александра никогда не бывает творческого хаоса, всегда чисто, аккуратно, свежо. Так и сегодня. Это потому что он по знаку гороскопа Дева, а уж я то этих Дев знаю, натерпелся. Мама у меня была Девой, для неё любая случайная соринка в доме была катастрофой, более того она неделю стыдилась пойти в сельский магазин, если на картофельной грядке вдруг обнаруживался росток мокрицы. У Саши такого фанатизма, конечно, не было, но он все равно молодец. Сначала он показал мне две фотографии макетов и сказал — В финале конкурса участвовали две работы. Посмотри, какую-бы ты выбрал. — На первой, развалившись в огромном кресле, сидел, одетый в распахнувшийся халат, полноватый холеный барин. Его поза говорила о том, что этот человек хозяин своей судьбы, своего времени, он никуда не спешит, нет, он неспешно выуживает из своей головы глубокие мысли. Это был бы отличный памятник в девятнадцатом веке.

Воскресенье провел бездарно, это с точки зрения здорового образа жизни, образ был совсем не здоровый. Спал, а может и не спал, по крайней мере, был с закрытыми глазами до тех пор, пока солнце не вывернуло веки. Не хотелось ничего, ни вставать, ни лежать, хотелось висеть подвешенным под потолком за одну ногу, болтаться как маятник, думать о высоком, а проходя точку равновесия, сурово произносить — тик-так. — Тоска без осознаваемой причины. Просто тоска и все. Но причина, наверное, была, и уж я то её конечно знал, знал, но закапывал в себя поглубже и делал вид, что мы никогда не были знакомы. Понятно, что все двери в домах города уже хлопнули и люди стройными колоннами устремились в библиотеки, на выставки, за город на лыжную базу, я сразу решил, что ни в одну из этих колонн не вольюсь. Мне хотелось глинтвейна, уже давным — давно совершенно спокойно жил без него, а в этот день вдруг захотел, не очень горячего, но и не совсем теплого и чтобы корочки немного, такой еле-еле уловимый привкус. Мог приготовить и сам, потом сесть в кресло и не спеша согреть душу, но не с утра же. Нет, пусть для меня сварят глинтвейн в кафе. Включил телевизор, как там мир прожил вчерашний день? Докладывала статичная, низкоэмоциональная Екатерина Андреева, разные источники называют её одной из самых красивых телеведущих, у меня такого воображения нет. Выключил звук, стал читать бегущую строку, день как день — сгорел воздушный шар, погибло восемнадцать человек, затонул паром, погибло более ста человек, теракт у мечети, погибло восемьдесят человек, столкнулись тридцать автомобилей, семь погибших, пробудился вулкан, идет эвакуация населения. Земля пожирала людей. Каждый день. Планета привыкла, ни боли, ни печали, так, небольшой осадок горечи, не у всех.

В кафе до аншлага было далеко, всего несколько человек и каждый сам с собой. Молодая женщина тоже одиноко сидела у окна спиной к нему, я бы сел наоборот. Она заканчивала обед, перед ней стояли ваза с мороженым и чашка кофе, по тому, как прямо держалась её спина было видно, что её обладательница много

лет провела за клавишами фортепьяно, наверное, училась в школе и рефлекс остался, а может и сейчас работает музыкантом, хотя навряд ли, в лице не было мягкости линий, даже наоборот, они были резко очерчены и чем то напоминали японскую каллиграфию. Такие лица запоминаются, я её никогда раньше не видел. Морозный воздух улицы хоть и проделал некоторые бреши в мрачности моего настроения, но до полного очищения было очень далеко. В таком внутреннем содержании иногда хочется совершать необдуманные поступки, пошалить. Широко, радостно улыбаясь, прошел к ее столу, сел, не ожидая приглашения, просиял — Здравствуйте Галина! Где Вы так долго пропадали? — иногда мне удается угадать имя собеседника. Она не выразила сильного удивления, так, слегка приподняла бровь — Здравствуйте, мы давно знакомы? — Я даже немного обиделся — Как? Вы это серьезно? Мы же с Вами учились в одном Вузе, я конечно был старше, но мы встречались в коридорах, а однажды на вечере даже танцевали вместе. В одном круге. Я тогда с удовольствием смотрел, как Вы танцуете. Осанка, изящество движений! Все говорило о школе. Наверняка Вы закончили студию хореографии. — Я приостановился, чтобы передать ей право слова, но она только чуть двинула губы в улыбке и продолжала молчать, ей было очень интересно, что я буду нести ещё. Что мне оставалось? Пошел дальше — Тогда хотел попросить номер, да постеснялся. У Вас еще подруга была такая — я показал рукой нечто неопределенное, — с глазами, волосы еще у неё... — Моя сомолчальница все таки сжалилась — Да — да, у неё еще уши, нос и даже рот! Она до сих пор ходит ко мне в гости. Кстати, меня зовут Ларисой. — Господи! Простите меня, пожалуйста! А я вижу знакомое лицо! Только немного ошибся. Вы же Лара Крофт — расхитительница гробниц! И что будем делать? Повинную голову меч не сечет? Откуда мне было знать, что в жизни Вы выглядите гораздо моложе и привлекательней, чем на экране? -

Наконец-то она рассмеялась — С удовольствием продолжила бы беседу, но нужно идти. Приятного Вам аппетита Алексей Павлович. — Мои глаза удивленно расширились. — Я иногда смотрю местный канал, — сказала Лариса, взяла в руки сумку и направилась к выходу. Я заказал глинтвейн.

Как-то не очень последовательно получается, не рассказал до конца об Ильине, перескочил дальше, но думаю ничего страшного, у нас и в жизни далеко не все случается последовательно. В этом смысле только время безупречно, одна минута неумолимо сменяется следующей. У меня все не так, не могу ни одного дня прожить по плану, а направить судьбу в русло, выстроенное для неё в моей голове совсем проблематично, то кто-то плотину построит, то случайный экскаватор разроет берег и судьба бежит в сторону.

Но я не отчаиваюсь, верю в нас обоих.

На второй фотографии Ильин был несколько моложе, одет в классическую двойку и в галстук. Он был почти готов встать со стула, его правая нога подогнута, взгляд не рассеянный, как у пред идущего автора, а сосредоточенный направленный вперед, в фигуре чувствовалось желание подняться и идти вперед. Мне не нравятся люди, которые не хотят идти вперед, их мысли со временем покрываются плесенью. Даже и размышлять долго не надо, наверняка комиссия приняла этот проект, да и стиль, почерк, рука — называй как угодно, явно были Сашиными. Иногда, даже, пожалуй, не иногда мы с ним чувствовали одинаково. Александр просиял от удовольствия, я не ошибся. — Тогда смотри, голова в пластилине уже готова, — он снял покрывало со стоящей на столе заготовки.

Это было мощно. Он был живым, Ильин был живым, казалось с ним можно говорить, и он ответит. Большая Сашина удача, пожалуй, даже не удача, а сердце и душа. Он отдал себя, передал часть своей жизни этому ушедшему уже философу. — Да, Саш, ты ступил в вечность. Я в этом убежден. Это совсем не мастерство, это искусство! Бесконечно рад за тебя! -

Кто-то, наверное, в понедельник утром вскакивает с кровати радостно улыбаясь, как можно быстрее совершает положенные процедуры, и на ходу проглатывая горячую булочку с вареной колбасой, бежит на работу. — О, счастливики! — сказал бы я им при встрече. Им повезло жить в среде сообразной их содержанию. По логике исключительности каждой человеческой единицы так должно быть с каждым. Мне исключительности подарено не было. Бывает все таки так, что человек оказывается в чужой среде, он в ней инороден, и она либо выталкивает его, либо пережевывает, выжигает, превращает в ничто. Кое — кого вполне устраивает второй вариант и, по прошествии некоторого времени, они уже свои в этом питательном черноземе, забыв о том, что когда-то мечтали летать. Мне совсем не хотелось рыть ходы в земле, пропуская ее сквозь себя, поэтому хорошо знал, что совсем скоро буду стоять на крыльце нашей конторы без права открыть ее дверь. Она, наша контора, создавалась с безупречно прекрасной целью, думать о народе, создавать условия для его комфортного проживания и в конечном итоге достигнуть процветания. Никто не смог бы даже подумать, что цели эти кто — либо из здешних работников не разделяет, как раз наоборот было видно, что идея процветания всех воодушевляет и вдохновляет. И вполне естественно большинство тружеников этой достойной организации считало себя этим самым народом, ну а те, кому не повезло войти в состав народа, тем просто не повезло.

Совсем не обязательно верить тем, кто утверждает, что по понедельникам не везет, мне повезло. Не так часто это происходит, но вот выпала карта, я простыл. Может простыл, может заразился, зараза вот уже

второй месяц бродит по нашему малолитражному городу. — Несколько десятков больны свиным гриппом, двое из них умерли, — сообщил без тени горечи представитель Онищенко местному телевидению, сделал паузу, видимо раздумывая сказать или не сказать, не выдержал, мстительно добавил — Мы вам говорили осенью — Прививайтесь! — Не хотели. А не один привитый не умер. — Я как раз из этой нехорошей категории не захотевших. Еще ночью понял, что со мной что-то не так. Приснилась кухня, совсем не моя, деревенская, это было понятно по тому, что пол в ней был выстлан широкими, выкрашенными в коричневый цвет, досками. На них стояла лошадь, длинная и низкая, она имела достаточно редкую масть — серая, с темно зелеными пятнами. Она не спеша ужинала моими макаронами из миски, стоящей на столе. Кухня не моя, а макароны точно мои, из твердых сортов пшеницы, это я сварил их вечером и поставил в холодильник. Она достала их из холодильника, поставила на стол и мирно уничтожает. Мне захотелось возмутиться, призвать лошадь к совести, но почувствовав приступ жажды, я прошел мимо неё к лавке, на которой стояли три цинковых ведра, до краев наполненных прозрачной водой. Зачерпнул полную кружку, отправил ее содержимое в себя, но влаги не ощутил, во рту было по-прежнему сухо и жарко.

Нет, я совсем не хочу сказать, что хожу на работу для того чтобы отбывать номер, что греха таить, мне нравится наблюдать за теми страстями, которые бушуют в нашем террариуме. Лучше бы смотреть на все это через стекло, но судьба поместила вовнутрь и теперь приходится сидеть в углу, так и обзор лучше и защититься проще. У нас два директора, один из них генеральный, а другой просто директор, по замыслу создателя первый из них должен был рождать мысли и определять политику, а второй проводить ее в жизнь. Надо отдать должное, генеральный рождает мысли на редкость настойчиво, об этом нам сообщалось по утрам на оперативках, мы слушали его зачарованно, сожаление вызывало лишь то, что внутреннее содержание нашего руководителя было настолько масштабно, что Солженицын с его сочинением «Как нам обустроить Россию» был мягко сказать мелковат. Наш мог обустроить не только Россию, но весь мир, мог бы и во Вселенной все сделать так как надо, жаль ему не передали эти возможности. Для нашего населенного пункта, широко раскинувшегося на просторах двух гектаров, эти идеи были не очень актуальны, поэтому «просто директор» занимался канализацией, которая рвалась каждый день в нескольких местах и все брошенные на борьбу с порывами силы, в количестве трех сантехников, не успевали её латать. Так они и жили, наши руководители, один с высоты своего космического разума с грустью смотрел на неправильное мироустройство, а другой чистил трубы. И все-таки, при столь разном образе жизни у них было немало общего, они всегда веселы, оптимистичны и уверены в собственном прекрасном будущем. Такой вот парадокс, а может и вовсе не парадокс, мне то, откуда знать.

Будильник отключил еще ночью, когда понял, что лошадь, съевшая мои макароны, как-то выбивается из моих обычных сновидений, поэтому беспечно проспал до восьми. Полежал еще полчаса, с удовольствием прислушиваясь к горячей ломоте в теле, затем встал, вышел на приятный холодный балкон посмотреть, как там дела на улице. Вчерашняя оттепель согнала верхний слой снега и все обнажившееся пространство, на сколько хватало глаз, было густо усеяно результатами зимних прогулок собак. Если ещё неделю продержится тепло, то по тротуарам пройдет трактор со стальной щеткой, и, тогда по ним можно будет ходить, но в сторону ни-ни. Тоска! — Господи! И мы в этом живем! — Захотелось повеситься. Вот уже несколько недель молчавший внутренний голос, не согласился — С чего бы вдруг? Ты что первый год это видишь? Сколько живешь, столько и видишь, а сегодня вдруг проснулся эстетом. Зато какая замечательная буйная травушка вырастает на газонах благодаря усилиям друзей человека! Взрослого мужика потерять можно, особенно к августу, когда её вдруг начинают косить. Словом нечего хандрить, это у тебя из-за температуры, поставь-ка градусник. Послушался, сунул градусник подмышку, снова лег, сразу зазвонил сотовый

— Алексей Павлович, Вы почему не на совещании? — строго спросила секретарь директора.

— На каком? — тоже спросил я, только моя интонация была совсем другой, хотелось, чтобы в голосе звучала удрученная заинтересованность.

— Вы что забыли? О бродячих коровах.

— Так они вроде ещё не бродят, — неудачно пошутил я. Секретарша обиделась.

— Позвольте напомнить Вам текст плаката, висящего в приемной, собственноручно начертанного нашим генеральным «События не надо ждать! События надо опережать!»

— Я заболел, у меня... — гудки сообщили о том, что слушать меня некогда, дорога каждая минута. Некоторое время я размышлял, как произнес «я заболел» немощно или с сожалением? Хотелось бы, чтобы в этом коротком сообщении были переданы оба состояния одновременно. Подумал, может прорепетировать и перезвонить? Раздумал, вспомнил о совещании.

Коров мы опережали ежегодно, часа полтора, не меньше. Первый час слушали о том, насколько безответственны владельцы рогатого скота, о том, что у них нет совести, что они не любят родной город и гадят со своими коровами там, где захотят. Потом давалось двадцать минут на то, чтобы высказались участники совещания. Их всецело занимала председатель совета общественности, наполняя праведным

гневом, а иногда и негодованием. Потом подводился итог решительный и принципиальный: — Хватит! Терпеть больше этого нельзя! — Потом все расходилось.

В прошлом году я попытался внести в решение побольше конкретики, когда общественница, а она у нас дама образованная, в дальние годы вела географию в пятых классах, сказала, что по имеющейся у неё информации в Сингапуре, а может в Гонконге, точно не помнит даже за брошенный окурок! штрафуют на тысячу долларов! Мною было предложено выслать спецрейсом всех наших коров в Сингапур. Предложение было отклонено как не реальное, в нашем бюджете не найдётся средств для оплаты чартера. И, вот из-за этой самой скудости казны крупный рогатый скот все лето вольно гулял по улицам, хрустел травой на пышных газонах, а к концу сытного дня, разморившись от жесткого северного солнца, любил полежать на горячем асфальте перед нашей конторой, оставляя на ночь жидкую память, которую по утрам убирал разухабистый дворник, совсем не знающий нормативной лексики. Не по теме, но так просто добавлю, людей сильно эрудированных, как и вышеупомянутый дворник, у нас в городе немало, хотя по профессии они совсем не дворники, только видимо в душе. Но не думаю, что мы избранники в России.

Градусник поспел. Вытащил, посмотрел, тридцать восемь и шесть, памятуя о предупреждении потребнадзора решил вызвать скорую. Но не знал телефона, никогда раньше не звонил, понятно, что первая цифра ноль, а какая потом не помню, взял местную газету, может там смогу найти. Газеты у нас две, они выходят раз в неделю, одна вскормленная моей организацией и вторая оппозиционная. Представляете, у нас есть оппозиция! В этот раз я купил одну, нашу, только она лежала на кассе магазина. Как любой нормальный гражданин читаю газеты с конца, здесь обычно расположены поношенные анекдоты, кроссворд для успешно закончивших начальную школу и гороскоп на предстоящую неделю. Мне на этой неделе родная газета обещала рост по служебной лестнице и важную встречу. Встреча понятна, сейчас вызову фельдшера, а вот с лестницей полагаю повезет кому-то другому.

Две третьих части газеты занимают объявления о продаже килограмма гвоздей б/у, выпрямленных, пары кусков хозяйственного мыла, оставшихся от безбедной советской жизни, там же иногда попадаются и дорогостоящие вещи, такие как жигули семьдесят первого года выпуска, стоимостью шесть тысяч рублей, естественно на ходу. Не буду пересказывать все подробно, хотя и много на этих двенадцати страницах нужного в хозяйстве, каждый сам может прочесть, купив нашу газету. Оставшиеся три страницы посвящались беседам главного редактора с генеральным на насущные темы, а они могли быть любыми, так как кругозор собеседников просто безграничен, могли рассуждать о чистоте в подъездах домов, а могли зачерпнуть и поглубже, помасштабнее, о влиянии нашего руководителя на работу Государственной Думы, о задачах поставленных им перед Президентом на ближайший отрезок времени, можно было узнать и о внешней политике страны, да о чем угодно, они знали все. Но иногда, видимо из-за отсутствия времени, уж поверьте, совсем не из-за отсутствия мысли, беседа сокращалась до двух страниц, и тогда население могло услышать и о других новостях, например о том, что думает наш редактор о редакторе не нашем, надо сказать, что думал он не очень лестно, и что греха таить чувства эти были взаимны, хотя не так давно они жили вместе и души друг в друге не чаяли, вот и верь тому кто говорит, что люди никогда не меняются. Нет, подождите, скорее всего они правы, это не люди меняются, это меняется место кассы, в окне которой выдают зарплату. И вот первая страница, на ней всегда большие цветные фотографии. Понятно, что на них демонстрируются миру мои начальники в разных позах и ситуациях, иногда вместе, иногда врозь, но всегда умные. И все-таки мне кажется, что гуляет юношеское озорство в потаенных уголках души нашего редактора, над главной фотографией размещается реклама и вот над головой нашего генерального удобно располагается крупная, веселая свинья, а над той, где они оба размещаются маски лицедеев. Интересно! Но чужая душа — потемки.

Номера скорой не нашел, стал звонить по порядку. 01.

— Пожарная служба, слушаем.

Не мой случай. 02.

— Дежурный полиции, слушаю.

Тоже мимо. 03.

— Скорая!

Попал! Рассказал биографию.

— Ждите, приедем.

Стал ждать. Позвонил друг.

— Читал Льва Лосева «Меандр»?

— Нет.

— Будет время, прочти.

Времени у меня море, включил компьютер, набрал и все! Ушел из этого мира на два дня.

Иногда хочется спрятаться от самого себя, построить перегородку, отделиться, свернуться в клубок и дергать за щемящую струну ушедшего детства, юношеских мечтаний и грез, в которых видел себя совсем не

таким, каким стал, шагнув во взрослую жизнь. Уж мне то, моей спрятавшейся части хорошо известно, что хотел бы быть первой половиной «Обратной стороны Луны» Пинк Флойд чуть грустной, насыщенной и глубокой. Когда то я учил Бродского наизусть, и сейчас Лосев легко взял меня за руку и повел туда, где живут совсем другие, не связанные пустотой обыденности люди. Мир чужой, не мой, непонятный, но невероятно красивый и притягательный, тот самый, о котором когда-то мечтал, мир мятущейся, пульсирующей мысли.

Закрыл глаза и увидел себя на краю старого, заброшенного деревенского кладбища с покосившимися деревянными крестами. Я лежал маленьким бугорком земли, покрытой зеленой щетиной травы, а надо мной возвышалась гигантская прозрачная фигура Бродского, голова которой терялась в редких облаках лета, она не знала, что у её ног лежит этот незаметный бугорок.

Поднялся, прошел по комнате, встал в угол, осмотрел все вокруг, с тоской осознал, что завтра вернусь на работу и снова стану чужим, чужим самому себе. Захотелось сесть на пол и заплакать. Так и сделал, сел, только слезы потерял ещё в детстве.

Так и не понял чем все таки болел, полтора дня температура, а к вечеру второго дня здоров, как бык, даже есть захотел. Не стал откладывать. удовлетворил желание организма, полностью заполнил желудок, отдохавший двое суток. Когда вычистил холодильник так, что его можно было использовать в качестве платяного шкафа, уснул безмятежным здоровым сном, и ни каких укоров совести по поводу позднего ужина, у меня их вообще никогда не бывает по этому поводу. Проснулся с желанием встать, не сообразующимся с желанием идти на работу. Долг победил. И вот я уже на работе, крепкий и жизнерадостный, конечно надеялся на то, что меня встретят с плакатом «Мы счастливы, что ты вернулся!» Ошибался, как-то не очень сильно коллектив был обеспокоен моей болезнью. Разделся, пошел на утреннюю оперативку. Естественно для любой организации, руководители которой назначаются на определенный короткий срок, им руководить некогда, да и не интересно, успеть бы решить свои вопросы. Во время выборной кампании они обещают все, что придет в голову, а потом появляются объективные причины, по которым выполнить обещанное никак не возможно, но поезд уже в пути, следующая остановка через четыре года. Меня всегда восхищает вера людей в заведомое враньё, только один раз у нас не поверили. Это случилось, когда я, по настоянию общественности, куда-то избирался. Зная, как страдает народ от нашего неуравновешенного климата, пообещал передвинуть Урал в район Туркменистана, это для начала, а потом уж и дальше, в Индию. Масштабность проекта заворожила часть избирателей, но только часть, большинство засомневалось, не во мне, а в том, не нарушится ли в результате экосистема планеты. Проиграл я те выборы. Конечно, не один из двух наших директоров не догадывался, что стоит рядом с рельсами, ведущими город к светлому будущему, нет, оба они были твердо убеждены в своей руководящей руке. На самом деле конторой руководили два совсем других человека, и первой была Аделаида Николаевна. Вы когда-нибудь встречали в жизни женщину по имени Аделаида? Наверяд ли, я тоже встретил первый раз, но как только увидел, понял, что Аделаида может быть только такой и никакой другой, даже не смотря на то, что не носила шиньона, прищипленного к затылку, такая вот осовремененная Аделаида с короткой стрижкой. В остальном четко прорисованный типаж — худая, нет, даже худосочная, нет, пожалуй, более того — тощая, с намеченными элементами груди, это если знать где она должна располагаться, и злым бескомпромиссным лицом, которое безуспешно пыталось окраситься в приветливость, когда поворачивалось к начальникам, закрепленным штатным расписанием.

Сам я редко по вечерам прыгаю на кровати, чтобы в восторженном полете к потолку завершить очередной счастливо прожитый день, как все нормальные в меру эмоциональные люди. А вот с воображением у меня совсем худо, потому как не насилую себя, не могу представить Аделаиду голой, благоухающей, с блестящими глазами парящей над постелью. Благоухающая, это перевод имени Аделаида с древнего германского. Её отец не страдал болезнью корпеть по ночам над толковыми словарями, у него были несколько иные увлечения, промучившись несколько дней любимой забавой открытия емкостей объёмом ноль пять литра, злой, похмельный, пошел в ЗАГС и подарил девочке имя, отомстив жене за то, что она вместо ожидаемого сына родила дочь. Вот и думаю — Нет, друзья, дело не только в том, как корабль назовешь, так он и..., нет дело еще и в позыве, с каким ты это сделаешь.

Аделаида имела должность главного бухгалтера и царила в бюджете, распределяя его по собственному усмотрению — Этому дам. Этому дам. А этому!?! Не дам! Иногда встречались чудачки, которые по неразумению, по неопытности, да что там, скажу уж прямо — по глупости, пытались вмешаться в четко выстроенную Аделаидой Николаевной логику развития конторы, робко предложив решить какую либо городскую проблему, не вписывающуюся в систему ценностей главбуха. Бедняги! Им тут же разъяснялось, насколько они не компетентны, безграмотны в вопросах формирования и назначения бюджета, и не знают российского законодательства.

— Надо бы знать, что это не наши полномочия!